

## Игорь Шестков "Смерть Саши"

Саша до шести лет не улыбался. Улыбнулся он первый раз, когда бабушка ему гостинец привезла – шоколадную медальку в золотой фольге и три мандарина. Ни того, ни другого он еще не видел. Мандарины – не знал как есть, а к медальке приделал ниточку и повесил на гвоздик. Вскоре нитка порвалась, медалька закатилась куда-то. Саша заплакал. Его суровый отец изругал его хриплым голосом за слезы и поставил в угол. Мать его не пожалела, потому что умерла, когда Саше и трех лет не исполнилось. А бабушки дома не было.

Сашу еще в школе прозвали олухом. Был он длинный, нескладный, апатичный. Соображал туго. Учителя выводили ему тройки в четверти, потому что боялись, что он останется на второй год, и им придется и дальше с ним мучиться. После восьмого класса школы пошел Саша в ремеслуху, потом поступил в приборостроительный техникум. Учился там он тоже плохо, но до диплома кое-как дотащился. По специальности – автоматизации технологических процессов и производств – никогда не работал.

Пошел в армию. Старослужащие начали было его унижать, как остальных новобранцев. Саша реагировал вяло. Бить его даже не пытались. Длинные жилистые руки Саши, огромные рабочие кулаки, костлявая неприятная фигура и туповатое лицо не располагали к битве. «Деды» окрестили Сашу хмырем и оставили в покое.

После армии он вышел, наконец, в жизнь. Без знаний и навыков. Без интересов, без стремления что-либо делать, что-то узнать, достичь. Это не помешало ему жить в советском обществе, скорее наоборот, помогло. Таких фатальных для многих людей его поколения общественных процессов и событий как начавшуюся в начале семидесятых эмиграцию, афганскую войну, разгром чекистами диссидентского движения, высылку Солженицина за границу, ссылку в Горький академика Сахарова, перестройку и даже развал СССР – он просто не заметил. Жил как живется. Пил, ел. Телевизор смотрел. Работал кладовщиком. Один раз в год ходил в Лужники, на футбол. Болел за Динамо.

Женился. Пожил у тещи. Развелся. Переехал в пустующую квартиру отца (отец

жил у четвертой жены). Купил небольшой деревенский дом по Дмитровскому шоссе. Построил там баньку. Женился второй раз. Переехал к жене. Продал дом. Разобрал баньку. Опять развелся. Сошелся с Валею. С ней и жил до самой смерти. Детей не имел. Вечерами, дома, молчал. На работе общался только с бесконечными пыльными полками и ящиками. Никаких «любимцев» на складе у него не было. Он не любил ящики, полки и подъемники, не любил свою нудную работу, на дух не выносил сослуживцев, отмечающих конец рабочего дня обильными возлияниями. Тайных или явных пороков не имел. Не видел снов. Даже не курил.

В девяносто первом году склад передали частной фирме. Сашу уволили. В хаосе нового времени работу всем было трудно найти, а пассивному, ни на что не годному «олуху» – невозможно. Наступило время «кручения» и «крутизны». Все начали «крутиться». Многие стали «крутыми».

Саша не был крутым. К кручению способен не был.

Опять купил деревенский дом. Далеко, во владимирской области. Подальше от бешено крутящейся Москвы. Начал строить баню. Развел огородик. Видимо, тянуло его на землю. Заплатил за избу триста долларов, оставшихся от продажи первого дома. Покупку оформили «по завещанию». Продавать землю было, несмотря на новое время, запрещено. Государство Россия было круче своих граждан и привычно накладывало на все свою тяжелую лапу. «По завещанию» означало, что настоящая обладательница дома, бабка Дарья, живущая у дочери в городе, завещала Саше дом и позволила ему там жить, а земельный участок оставался собственностью все еще не расформированного совхоза «Ленинское знамя», на территории которого уже появился овощеводческий кооператив «Журавль», на котором работали непонятные азиатские люди, производящий помимо репы и моркови фальшивые джинсы и духи «Ландыш». После Сашиной смерти бабка Дарья вернулась в проданный ею дом, а деньги зажилила. Валя их и не требовала.

В давно покинутой коренными жителями деревеньке осталось всего десять изб. Остальные дома сгнили без хозяев и развалились. Жили в целых избах летом дачники из Владимира. А зимой – никто не жил, кроме наезжающего сюда Саши и единственного постоянного жителя деревни – Трехглазого Никифора

Петровича.

Трехглазый этот был личностью загадочной и неприятной. Шестидесят лет. Вдовец. Бывший журналист-международник. Выгнанный еще в брежневские времена из центральной партийной газеты за пьянство и цинизм. И с тех пор разыгрывающий на людях различные роли. То он – хулиган, матершинник, или, как он сам себя называл, «неуловимый мститель». В такие «красные» периоды Трехглазый катался по окрестностям на мотоцикле Иж с прицепом. Размахивал старым ружьем и страшил дачников из вырастающих то тут, то там дачных поселков: «Уу, городское бл.дье, скоро мы вас всех спалим... убьем и закопаем! Буржуйские выродки... Понастроили дач, думаете спрячетесь в них от пролетарского гнева? Мироеды! Грабь награбленное, крестьянская косточка! Вставай, беднота! Дрожите, богатеи!»

То, он – Франциск Ассизский. Вешал на шею громадный крест. Ходил в соломенной шляпе. Проповедовал воронам на окрестных полях. Говорил голосом диктора Левитана: «Да здравствует 24-ый съезд и неуклонное повышение благосостояния народа! Мы говорим партия, подразумеваем Ленин! Ленин и сейчас живее всех живых! Всем срочно получить продовольственные талоны, в руки даем сосиски сраные – по четыреста грамм. Товарищи пернатые, объясните, как вы понимаете руководящую роль нашей партии и ее генерального секретаря, товарища Брежнева Израиля Моисеевича лично? Лично, б..ди совхозные. Поняли?»

«Ничего не понимают, расстрелять!» – приказывал сам себе Трехглазый поленински картавя, и лупил по птицам дробью.

Разыгрывал и Толстого в Ясной Поляне. Отращивал бородищу, разгуливал по деревне босой в белой рубашке до земли. Демонстративно плакал, заведя зрителей, бил себя по щекам и кричал: «Свободу Луису Корвалану, Анжеле Дэвис и угнетаемому мировым сионизмом палестинскому народу! Скажите мне, товарищи, когда же скинут режим Смита? Когда покончат с апартеидом? Кто свергнет диктатуру Черных Полковников? Кто уничтожит Чикагскую школу и оплот мирового империализма – Соединенные Штаты Америки? Послушайте, земляне, последнего великого писателя России! Покайтесь, ибо приблизилось царство Небесное. Раздайте деньги нищим и идите на х.й!»

Потом плакать и бить себя по щекам прекращал, делал жуткое лицо и орал во всю глотку, до смерти пугая мирных владимирцев: «Вива Хунта! Вива генерал Августо Пиночет! Но пасаран, б.яди!»

Трехглазый пускал к себе жить бездомных. Болтали, что они потом «пропадали неизвестно куда». Летом, когда рядом жили любопытные дачники, Трехглазый обычно или уезжал или устраивал свои представления, юродствовал. А зимой – принимал гостей. Саша замечал иногда каких-то оборванцев, вылезавших из мотоциклетного прицепа соседа, но в силу своего флегматического характера не фиксировал в уме посетителей Трехглазого. Не обращал внимания. И не думал о них.

Он вообще никогда ни о чем не думал. Не рефлексировал, не анализировал, не спорил сам с собой или с мнимыми противниками, не жаловался сам себе, не хвастался перед собой, не смаковал в душе приятные воспоминания, не пугал себя ужасиками. Саша был в плену текущего момента. Ему нечего было противопоставить давлению реальности. Прошлого и будущего для него не существовало. Не существовало ничего, кроме него самого и его непосредственного окружения.

Оставшись без работы, Саша начал выпивать. С Валею. С ее друзьями. Но чаще всего – один в деревне. Сидел и пил, глядя в стену. На стене не было даже картинки. Изредко по ней ползали тараканы. Саша давил их руками.

С ним жили четыре собаки, одна другой глупее. Саша кормил их. Играл с ними. Когда одна из собак умерла, Саша даже не расстроился. Потому что для него она как бы никогда и не существовала. Потрогать ее он мог, но прорваться мыслью в

чужое бытие, ему, прищипленному к самому себе, было невозможно. Для этого необходима была способность к восприятию, к абстрагированию, которой у него не было. Саша зарыл собаку в огороде и пошел дальше играть с другими псами. Налил им немножко водки в стакан. Собаки вылизали стакан, стали дурными. Бегали по двору. Натыкались на деревья. Падали, скулили, служили... Саша не смеялся. Что творилось в его душе?

Что творится в каждом из нас? Чем глубже человек погружается в себя самого, тем непонятнее, абсурднее становится для него его собственное «я». Как при глубоком погружении в океане. Наверху – еще солнышко светит, лучи пронизывают голубую толщу воды. Рыбки цветные плавают, крабы ползают. А на глубине – тьма беспросветная и чудовища жуткие, уродливые, вроде бы миллионы лет назад вымершие. А совсем внизу – не Бог и не дьявол, а просто дно. На которое все, наигравшись, песком и пылью отлагаются. Чтобы потом окаменеть. Саша, этот мученик мгновенья, окаменел еще при жизни. Точнее – он так и не родился в жизнь. Его тело вышло из тела матери. А главная человеческая суть так и осталась в мире неживой материи. Не в матери, не в отце. В нигде. В плазме времени. В том, из чего образовался мир. В предвечной пустоте.

С Трехглазым Саша не водился. Даже не разговаривал. Только хмуро кивал ему при встрече. И Трехглазый к Саше не лез. Понимал, что этого хмыря не тронут его излишества. В день Сашиной смерти, однако, все было не так.

Это было зимой, в холода. Саша жил в деревне уже пятую неделю. Без телефона, без телевизора, без ванны. Намерзся. Заскучал, решил в Москву возвращаться. Оставалась у него бутылка водки. Выпить хотелось, но нельзя же все время пить одному? Потянуло Сашу на людей. А где их взять? Против воли решил пойти к Трехглазому.

Дом соседа был недалеко, через дорогу. Саша надел старые вонючие черные валенки, оставшиеся от утонувшего в болоте мужа бабки Дарьи, деда Матвея. На плечи накинул его же старый ватник, на груди которого было грубо вышито толстой белой ниткой «околей сука в Мордови», нахлобучил ушанку, взял бутылку и вышел из избы. Перешел дорогу. Постучал в дверь.

Дверь открылась. За ней никого не было. Сама что ли открылась? Саша вошел в

сени, затем в горницу. Там было темно, старая керосиновая лампа стояла на столе. Светила слабо. Свет ее терялся в пространстве, а на грязных стенах совсем пропадал. Как будто в них впитывался.

Кроме стола с лампой, стульев, огромного комода и большой двухспальной металлической кровати в комнате и не было ничего. Вдруг Саша услышал голос: «Сашка, садись за стол».

Саша сел, как велели. Поставил бутылку перед собой.

Голос опять сказал: «Что это у тебя? Водочка? А у меня только хлебушек».

Потом кровать закрипела и с нее поднялся Трехглазый – в длинной ночной рубашке. Он повернул фитиль у лампы. Стало немного светлее. Потом пошел на кухню, взял там хлеб и две стеклянные стопки. Вернулся, поставил все это на стол. Сел напротив Саши. Разломил хлеб. Откупорил бутылку, разлил и, ни слова не говоря, выпил. Закусил.

Саша тоже выпил. Посмотрел Трехглазому в лицо. Лица видно не было.

Темнота.

Трехглазый заговорил. На этот раз он выбрал роль русского патриота.

«Все говорят – новая Россия. Ельцин! Гайдар! Чук и Гек! А мне Союза больше чем убиенного царя жалко. Жили бедно, но одинаково. Понять могли друг друга. А теперь – каждый в свой угол убежал. Там затаился и сидит, трясется. Потому как найдут и по шапке дадут! Человек человеку стал – зверь. Друг друга убивают как негры. Еврейское время пришло. Теперь они власть в руки заберут. Все оттяпают, что Союз заработал. Нефть высосут, газ. Ихнее право. Их притесняли, они это припомнят. Тебе, Саша припомнят, как будто ты в чем-нибудь виноват. Вот я от них сюда в деревню убежал, но, боюсь, и тут найдут, выволокут и к стенке пришпандырят. Я ведь о них в Правде писал. Все мне вспомнят, кровопийцы. Косточки, косточки переламывать будут. Пальцы на ногах отрежут и в мошонку зашьют, звери. Так по ихнему масонскому ритуалу полагается. А тебе Сашенька, как ты простой русский парень, на спине жидовскую звезду на коже вырежут. Оскопят они тебя, голубчик. Звезду на синагогу повесят, а спину солью присыпят и кнутиком тебя, кнутиком по мясу! До смерти замучают!

Была у меня тетя Маруся. Тихая такая бабушка. В таксопарке работала.

Уборщицей. А начальник там был жид и заместитель его жид и ходили к ним

жиды какие-то темные другие. Ну так вот один раз зашла тетя Маруся к начальнику в кабинет. Думала, нет там никого. Убирать хотела. Зашла и видит – сидят вокруг стола жиды, а на столе – гора золота, кольца, броши, бусы жемчужные, изумруды и алмазы. Убежала. А домой не вернулась. Таксисты рассказывали – целую ночь из подвала в таксопарке стоны доносились, там жиды тетю Марусю грызли. Даже трупа не осталось. Все ее тело они как крысы изъели. И кровь выпили. Так по этому делу никого и не осудили. Ментам дали в лапу. Кто за нас бедненьких вступится? Власти все ими купленные, сам Ельцин, не Ельцин, а Елцер – главный масон. Трисмегист, бля. Продает Русь Западу. Горе, горе нам. Ну ничего, пусть гады только сунутся сюда. Я для них ружье заготовил. Хочешь покажу?»

Саша не отвечал. Он не только не понял, о чем говорил Трехглазый. Он его и не слушал. Слушал только гул пространства, шепот темноты в углах. И не думал. Так, пил водку, хлеб жевал и перед собой смотрел. Играл бицепсами. И тут Саша впервые услышал слабый стон из соседней комнаты.

Спросил: «Кто это у тебя стонет?»

«Тебе показалось, Сашок. Нет никого, кроме нас в избе. Может метель за окном просвистела? Или твои собаки завыли?»

«Мои псы не воют. Они спят».

«Я тоже спал, ты меня разбудил, но я гостю всегда рад, а с золотой водичкой и гость – золотой!»

Тут опять кто-то глухо застонал. Послышалось что-то вроде «Развяжите... Сил нет терпеть... Воды!»

Саша встал и решительно открыл дверь в соседнюю комнату. Там хоть и было темно, но не настолько, чтобы не понять – нет там никого. Саша вернулся, вышел в сени, зашел в кухню. Пусто в доме.

«Может, хочешь и в погреб слазить? Добро пожаловать, вход в кухне. Открывай, смотри. Я тут останусь, чтобы ты чего не подумал...»

Саша открыл в кухне квадратный люк погреба. Ничего не видно. Наощупь нашел на кухонном столе спички. Зажег спичку, спустился по шаткой лесенке. И только тогда разглядел. На стене висел распятый старик, бомж. Косматый как леший, в грязной старой одежде.

Тут крышка погребца над Сашиной головой закрылась с противным треском. До Саши не сразу дошло, какую он глупость сделал. Саша поднялся по лестнице, стал бить рукой в крышку.

Сверху донеслось: «Не стучи зря, посиди часок, а я подумаю, что с тобой, дураком, делать».

Саша нащупал на полке пачку свечей, разодрал ее, зажег одну свечу, прикрепил ее на ящике перед распятым. Начал искать нож или ножницы. Не нашел. Разбил попавшуюся под руку бутылку и осколком осторожно перерезал веревки, освободил бомжу ноги и руки. Обессиленный старик упал на него. Саша посадил его на пол, спросил: «Ты чо, дядя, тут делаешь?»

Бомж простонал в ответ: «Дай попить, отпусти душу на покаяние...»

Воды в погребе не было. Саша заорал вверх: «Воды дай, Трехглазый!»

Сверху донеслось: «Хер тебе, а не вода».

Саша понял, что терять нечего, изо всех сил напер снизу на крышку погребца.

Она не сразу, но поддалась, заскрипела, а потом вылетела вон. Саша вылез, вытащил бомжа. Боялся, что Трехглазый в него из ружья пальнет. Но

Трехглазый не появлялся. Напоив и успокоив старика, Саша обыскал избу.

Трехглазого и след простыл. Решил поймать его на улице и связать. А завтра по свету в милицию оттащить. Натянул свою одежду и вышел на улицу. Никаких следов не было видно. Издалека слышался удаляющийся цокот мотоцикла.

Удрал Трехглазый. Саша успокоился – ловить больше никого не надо было.

Вышел из соседского двора, пересек деревенскую улицу, открыл калитку, завернул в нужник.

В тот момент, когда Саша открывал дверь, кто-то крепко ударил его сзади чем-то тяжелым. Нога Саши скользнула по оледенелой ступеньке. Он упал и ударился лбом в дверь нужника. На его несчастье в ней торчал толстый ржавый гвоздь без шляпки. Давно уже Саша хотел его вытащить, но не собрался. Гвоздь вошел аккуратно в угол правого глаза у переносицы, с хрустом проломил что-то и вошел в мозг. Потом Сашу подкинуло обратной силой, гвоздь из глаза вышел и Саша сел на снег рядом с нужником.

Представилось тут Саше огромное снежное поле. Ветер по полю гуляет, снег носит. В небе – серый туман. Леса не видно. И сидит будто бы Саша на этом

поле прямо на земле, голый. И холодно ему сидеть. Хочет позвать на помощь – голос из горла не вырывается. Порывается встать, но не может. И тут на поле стало светлеть. И очень скоро ослепительный белый свет залил Сашу и заснеженное поле и весь остальной мир. Как ледяной сквозняк, прошел сквозь Сашу поток времени. Затем обернулся вокруг него, подхватил и унес с собой на Северный полюс, к снежной королеве из мультфильма. Саша поглядел на королеву, улыбнулся второй раз в жизни и умер.

Тело Саши нашли только через пять дней. Был он белый, как мороженное. Только сзади шея была синяя и из правого глаза вытекло немного крови и мозга. Улыбался.

Собаки выли, запертые в избе. Когда их выпустили, они выбежали на двор, хозяина и не заметили. Один пес даже хотел на замерзшего помочиться. Его отогнали.

Трехглазого потом допросили. Он утверждал, что последнюю неделю просидел в избе, не выходил. Пил якобы и радио слушал. Когда его спросили, что он может сказать о смерти Саши, он ответил голосом актрисы Светличной: «Не виноватая я! Он сам пришел...»

Говорить с Трехглазым было бесполезно. Так никто и не разобрался, кто и зачем убил Сашу. Милиционер написал в графе «причина смерти» – несчастный случай. Тело передали приехавшей из Москвы Вале. Милиция укатила. А по весне в соседнем лесу нашли обезображенный труп старого бомжа. Бомжа похоронили, дела заводить не стали. Убили и ладно. Кому он нужен?